

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.14>

Вишняков Алексей Георгиевич

Труды и дни Клода Симона: переплетение и взаимное прорастание творчества и биографии

Статья посвящена панорамному библиографическому анализу жизни и полувекowego творческого пути известного представителя французского Нового Романа, Нобелевского лауреата Клода Симона. В статье подчеркивается, что творчество писателя-новороманиста - одно из самых сложных и объёмных во французской литературе XX века - может быть адекватно понято лишь на фоне его долгой жизни, изобилующей тайнами и парадоксами. На основе беседы с самим писателем, изучения его произведений, общения со свидетелями и участниками его долгого жизненного пути нами установлен и вводится в научный оборот целый ряд фактов, использованных при написании данной статьи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 63-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.0

Дата поступления рукописи: 31.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.14>

Статья посвящена панорамному биобиблиографическому анализу жизни и полувекowego творческого пути известного представителя французского Нового Романа, Нобелевского лауреата Клода Симона. В статье подчеркивается, что творчество писателя-новороманиста – одно из самых сложных и объёмных во французской литературе XX века – может быть адекватно понято лишь на фоне его долгой жизни, изобилующей тайнами и парадоксами. На основе беседы с самим писателем, изучения его произведений, общения со свидетелями и участниками его долгого жизненного пути нами установлен и вводится в научный оборот целый ряд фактов, использованных при написании данной статьи.

Ключевые слова и фразы: Клод Симон; Новый Роман; Ален Роб-Грийе; русские формалисты; биобиблиографический подход; французская литература XX в.

Вишняков Алексей Георгиевич, д. филол. н., доцент

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево

agvishnyakov@list.ru

Труды и дни Клода Симона: переплетение и взаимное прорастание творчества и биографии

Данная статья посвящена **актуальной** проблеме переплетения и взаимного прорастания жизненных событий и произведений в судьбе художника на материале творчества французского писателя, Нобелевского лауреата 1985 года Клода Симона (1913-2005). Симон – сложнейший из представителей французского Нового Романа, написавший за пятьдесят лет около двадцати романов, которые полнятся неисчерпаемым богатством философских, эстетических, психологических проблем, виртуозными нарративными приёмами, как разработанными им самим, так и продолжающими многие достижения традиционалистской литературы (Бальзак, Толстой, Достоевский) и модернистского романа XX века (Джойс, Фолкнер, Пруст).

В то же время художественное наследие писателя, как и его жизненный путь, крайне редко оказывались в центре внимания отечественных исследователей в силу целого ряда причин, одна из которых – сложное и органичное, несмотря на многочисленные – кричащие и латентные – противоречия, взаимопереплетение фактов биографии и поэтики, которые сам Симон на протяжении всей жизни старался скрывать и даже запутывать. Именно **биобиблиографический подход** к тому узлу парадоксов и противоречий, которым предстаёт творчество французского писателя-модерниста, положенный в основу данной статьи, призван стать плодотворным, открыв неожиданные аспекты его жизни и творчества в их пересечениях. Это и составляет **научную новизну** настоящего исследования. **Материалом** для этого станут как публикации на французском и русском языках, так и высказывания самого писателя, в том числе – и в интервью, данном автору статьи в 2003 году.

Эстет и анархист, поклонник Пуссена и Миро, Баха и Раушенберга, выходец из крестьян и провинциальной знати, пацифист и потомственный военный, кавалерийским капралом пропущенный в мае 1940 через гитлеровскую мясорубку, трижды побывавший в СССР, с одинаково пристальным прищуром всматривающийся в прашура в революционном Конвенте, в Горбачёва в Кремле, в Бродского в Стокгольме, в Плисецкую в образе чайки, в Сталина в Большом театре, в Че Гевару в боливийских джунглях, в десятки «простых» людей и – в самого себя. Всю жизнь Симон неустанно трансформировал свои идейные и эстетические воззрения, отвергая сегодня то, что вчера превозносил и к чему на новом этапе, возможно, вернётся завтра.

Таким образом, **цель** данной статьи – предпринять по необходимости краткое панорамное и хронологическое исследование жизни и творчества Клода Симона на основе биобиблиографического подхода. Из данной цели вытекают следующие **задачи**: рассмотреть, придерживаясь хронологического принципа, важнейшие вехи биографии Клода Симона; перечислить практически все произведения писателя и предложить более точные, чем были даны ранее, варианты перевода названий некоторых из них; кратко сформулировать проблематику этих произведений и принципиальные особенности поэтики писателя, прошедшие – в том или ином виде – сквозь всё его творчество; дать в заключение обобщённую оценку творчеству и жизни писателя.

Не привлёкший пока заслуженного внимания российского литературоведения (в том объёме и на том уровне, которых он заслуживает), Симон и в советские времена редко попадал в центр критического и издательского интереса. Тем не менее более или менее развёрнутые тексты – от нескольких абзацев до статей – ему посвятили в разное время такие литературоведы, как С. Великовский, В. Ермилов, Т. Балашова, М. Ваксмахер, Л. Андреев, Л. Зонина, А. Строев, С. Зенкин, Н. Горбаневская, М. Ариас-Вихиль. И в лучших, и в худших своих проявлениях тексты отечественных литературоведов делают то, что почти никогда не делали тогда и не делают и ныне западные исследователи: вписывают его творчество в широкий исторический контекст и – по мере возможности – в личный жизненный опыт автора «Дорог Фландрии». Лучше всех это получилось у Л. Андреева: «Что делает этот роман большой книгой, явлением в литературе второй половины XX века? Искусство выдающегося мастера, – но что такое это искусство? Так называемые приёмы, техника кубистического симулянизма, словесная живопись? Несомненно, – и потому, конечно, что с помощью этой техники воссоздаётся незабываемая картина “беспорядка” как реального состояния человеческого общества на определённом этапе Истории. Опыт этой Истории, жизненный опыт самого Клода Симона стал важнейшей составной частью художника» [1, с. 603].

1874: рождение Антуана Луи Эжена Симона, отца писателя, в альпийском горном массиве Юра. В семье скромных виноградарей уже есть три дочери: будущая белошвейка Мари Луиза и две в будущем учительницы начальной школы Эжени Жозефина и любимая тётка писателя, «тётушка Ми», Эмили Артемиза (1870-1955), которая будет с единственным племянником до самой смерти и жизнь которой – в парадоксальной форме воссоздания её шестидневного умирания после инсульта – он поставит в центр одного из лучших своих романов – «Трава» (1958).

1877: рождение в Перпиньяне, на юге Франции, Сюзанны Жозефины Луизы Денамель, матери писателя. Её отец, инженер, рано умрёт, и девочка будет расти в семье матери (в которой позже проведёт своё детство и писатель), принадлежащей к провинциальной аристократии, традиционно владеющей обширными виноградниками. Среди предков писателя – каталонские торговцы с еврейскими корнями, деятели революции, наполеоновский генерал, сардонический Вольтер и... нелюбимый Симоном Бальзак. Себя самого Симон называл, следом за высмеянным им однажды Ламартином: «и винодел, и писатель», а свои виноградники он продал лишь в середине семидесятых годов. Любовь к георгиевской жизни ему припомнят нелюбящие его критики, когда в 1985 году одна из крупных парижских газет выйдет с заголовком: «Нобелевская премия по литературе – французскому виноделу».

1895: Луи Симон заканчивает в Париже военное училище Сен-Сир с оценкой «под хорошим руководством станет хорошим офицером», за почти двадцатилетнюю военную карьеру он дослужится до капитана, совершив круг едва ли не по всем французским колониям (Мартиника, Мадагаскар, Индокитай, северная Африка). В метрополию Луи Симон возвращается, вызванный приказом, только летом 1914 года.

1906: будущие родители писателя знакомятся друг с другом. Но семья Сюзанны Денамель, относящаяся к их плану как к мезальянсу, навязывает влюблённым долгую помолвку, во время которой она должна проверить свои чувства, а он – максимально подняться по социальной лестнице.

1910: ставший незадолго до этого капитаном, Луи Симон женится в Перпиньяне на Сюзанне Денамель. Слегка изменённую фотографию, запечатлевшую эти счастливые события, Симон описывает в чисто новороманной технике «оживающего фото» в романах «Трава» (пример со «свадебным фото» из этого романа в переводе автора данной статьи: «...этим телам в небрежных, вычурных и нелепых позах почти всем – и юному драгунскому поручику, и беззаботным гулякам с их одежками, сигарой и пробором – суждено вскоре превратиться в пададь, часто без погребения или быть наскоро заброшенными несколькими лопатами земли, или оказаться на телеге вперемешку с телами тысяч, сотен тысяч им подобных» [7, р. 38]) и «Акация». Вскоре новоиспечённый командир колониального пехотного полка отправляется с женой к новому месту службы – на Мадагаскар.

1913: 10 октября в Тананариву, столице Мадагаскара, рождается Клод Эжен Анри Симон, единственный выживший ребёнок своих родителей; родившийся ранее и тоже названный Клодом первенец умирает в младенчестве.

1914: 27 августа Луи Симон погибает в одном из первых ожесточённых боёв Первой мировой войны во Фландрии, там же, где придётся воевать и его сыну во Вторую мировую. Детство будущего писателя пройдёт между Перпиньяном, где его бабушка и мать живут совместно с большой семьёй сестры последней, и местечком Арбуа в горах Юра, где живут его «тётушки Симон».

1925: в апреле по настоянию матери Симон отправляется учиться в аристократический Коллеж Станислас, закрытое учебное заведение в самом центре Парижа; в мае в Перпиньяне после долгой мучительной болезни умирает его мать. Перед смертью она просит когда-то влюблённого в неё кузена, кавалериста и авиатора, одного из руководителей Музея армии в Париже, стать опекуном её сына. Так в его жизнь входит семья, столь же непохожая на обе предыдущих, как и первая, чопорно провинциальная, непохожа на вторую с её достоинством горцев, отвергнувших пышный католицизм французских Альп и непримиримый протестантизм Альп швейцарских ради республиканского антиклерикализма. Сделав опекуном человека широких взглядов на мораль и искусство, бонвивана и либерального офицера, Сюзанна Симон сознательно или неосознанно высвободила сына из кокона обеих горячо ей чтимых семейных традиций, дав ему возможность критического взгляда на все его «три очень разных семьи» (все высказывания Симона приводятся по вводной статье А. Дункана в первом томе Собрания сочинений Симона в коллекции «Плеяды» [4]).

1930-1931: сдаёт экзамены на степень бакалавра математики, но вопреки воле покойной матери не поступает учиться на инженера или военно-морского офицера, а возвращается в Перпиньян, где начинает заниматься живописью.

1933-1938: снова едет в Париж, где берёт уроки живописи, открывает для себя сюрреализм. В эти предвоенные годы, свободный «благодаря небольшому наследству» от материальных забот, он много читает (Пруст, Бальзак, Флобер, Золя, Селин, Джойс) и начинает писать.

1934-1935: военная служба в драгунском полку. С 13 лет Симон занимается верховой ездой, любовь к лошадям он пронесёт через всю жизнь.

1936: «...написал первый роман, который порвал». В сентябре Симон проводит две недели в осаждённой франкистами Барселоне среди анархистов, троцкистов и – возможно – агентов советских спецслужб, о которых, вероятно неслучайно, вспомнит в Нобелевской речи, использовав для этого апарте прославившие его стиль скобки: «(некая французская еженедельная газета с большим тиражом задалась вопросом: уж не заполнили ли вашу Академию агенты советского КГБ!)» [8, р. 888-889].

1937: с конца мая по конец июля совершает большое путешествие по Европе: Берлин, Варшава, Москва, Одесса, Стамбул, Греция и Италия.

1938-1939: начинает писать роман (будущий «Шулер»), который станет его первой, уже послевоенной, публикацией; читает Кафку и «Шум и ярость» Фолкнера; в августе мобилизован как капрал в кавалерию, зиму «странной войны» проводит в Арденнах.

1940: важнейший год в жизни писателя; в январе в отпуске женится на Люси Рене («Рене») Клог, которая разделяет его жизнь уже восемь лет, пишет завещание на её имя (на которое она позже ответит своим, написанным перед самоубийством). Май: получив команду контратаковать немцев на территории Бельгии, кавалерийский полк Симона переходит Мёзу, но, столкнувшись с количественным и качественным (самолёты и танки) превосходством Вермахта, он вынужден начать отступление, превращающееся в беспорядочное бегство со сводящим с ума ежеминутным ожиданием гибели. 17 мая: единственное боевое столкновение, в ходе которого большая часть его полка погибла, а сам он через несколько дней оказался в германском лагере для военнопленных, откуда ему удалось освободиться под предлогом колониального «мальгашского» происхождения, и при пересылке во Францию он сбежал, вернувшись в Перпиньян, где его ждала жена и две «тётушки Симон» (Луиза и Артемиза), покинувшие Арбуа перед немецкой оккупацией. События этих двух недель станут тематическим центром и образным генератором большинства романов Симона и его самой известной книги – «Дороги Фландрии».

1941: много пишет (заканчивает «Шулера», который будет опубликован после войны) и читает: Д. Конрада, всего Бальзака, всего Руссо, Достоевского, Чехова, Пруста: «...только перечитывая этого гиганта во время войны, я смог его оценить по достоинству».

1944: под угрозой быть выданным полиции как участвующий в Сопротивлении уезжает в Париж, где его квартира служит явкой для подпольщиков до освобождения Парижа в августе; в октябре Рене, знающая о неверности мужа и испуганная, возможно, новостями об издевательствах над парижанками, спавшими с «босшами», кончает с собой, и, хотя Симон никогда не называл это событие в ряду важнейших травм своей жизни (а ряд этот он выстраивал неоднократно и в интервью, и в романах), оно, несомненно, – одна из тяжелейших. Образ Рене и её ужасный конец – она повесилась за окном его перпиньянского дома, на крыше которого любила загорать обнажённой – преследовал его всю жизнь и стал сердцевиной или фоном большинства его произведений, в том числе, видимо, и образа Луизы в «Траве».

1945: опубликован первый роман, позднее отвергнутый Симоном, как и все ранние произведения: «Шулер» (“Le Tricheur”).

1947: книга лирических, биографических и полемических эссе «Натянутый канат» (“La Corde raide”), в которой несколько пронзительных страниц посвящено краткой и страстной любовной истории Симона с одесситкой Верой во время его первой поездки по СССР. Этой же истории он хотел посвятить и свой последний текст, над которым работал перед смертью.

1951: из-за острой формы туберкулёза, чуть не окончившегося смертью, проводит пять месяцев на санаторной койке: «Пять месяцев я прожил лёжа. С окном в роли единственного театра. Чем заняться? Видеть (опыт вуайеризма), жадно смотреть. Видимое, замедленное, вспоминаемое». И этот опыт, и этот нарративный ракурс, и этот описательный темп будут использованы в «Траве», действие которой будет происходить там, где располагался лёгочный санаторий. В октябре женится на Симонне Дюкюэн.

1952: «Гулливвер» (“Gulliver”), «чёрный роман» из времён оккупации, самая масштабная и амбициозная попытка создания антисартрианского, хотя и по экзистенциалистским (а также американским и вполне бальзаковским) лекалам и рецептам, романа, который Симон впоследствии, по слухам, скупал и уничтожал, как Гоголь своего «Ганса Кюхельгартена». Без этого необычного гиганта, «неподвижного на полном ходу» (любимая цитата из Поля Валери), вряд ли стали бы возможны монументальные «Георгики» и гармонично прозрачная при всей своей сложности «Акация». В это же время Симон составляет подробный, до сих пор не опубликованный, разбор «Подростка» Достоевского и начинает писать свою вариацию на эту (тайно, а явно – на гамлетовскую) тему – «Весна священная».

1954: «Весна священная» (“Le Sacre du Printemps”), роман о взаимоотношениях отчима и пасынка-подростка, о первых страстях и разочарованиях подростка и противопоставленных ему воспоминаниях отчима о пребывании в столице Каталонии Барселоне, захваченной анархистами и окружённой франкистскими войсками. Позднее, в 1970-е и 1990-е годы, несмотря на сопротивление автора, переиздавался во Франции как молодёжный роман «джинсовой серии», что более чем необычно для одного из самых *трудночитаемых*, по общему мнению критиков, представителей Нового Романа.

1955: смерть Артемизы Симон («тётушки Ми»), самого, судя по всему, близкого писателю родного человека, которую он «любил, как мать». Начинает писать «Ветер» и возобновляет начавшееся в 1930-е годы, а затем прервавшееся увлечение фотографированием, любимый мотив – Перпиньян и окрестности.

1956: знакомство с Аленом Роб-Грийе, основателем, вместе с Натали Саррот, «школы» Нового Романа, убеждающим Симона по прочтении рукописи «Ветра» отказаться от её «приглаживания» и отдать её в издательство «Минюи» Жерома Линдона, где сам Роб-Грийе состоит охотником за новыми именами. Роман, действие которого происходит в южном городе, терзаемом «Ветром», сбивающим с ног фолкнеро-достоевских героев, то бросая их друг на друга, то растаскивая в стороны, вызывает восторг Линдона. Своеобычный взгляд, свежая тема, новаторское письмо, твёрдая рука мастера – всё говорит о том, что появился будущий французский классик. Но критики в своём большинстве не разделили восторгов Роб-Грийе и его издателя.

1957: роман «Ветер. Попытка воссоздания барочного ретабло» (“Le Vent. Tentative de restitution d’un rétable baroque”) выходит в издательстве «Минюи», которое станет своим для Симона и для других новороманистов: Саррот и Мишеля Бютора (с середины 1950-х до середины 1960-х годов), Маргерит Дюрас (приблизительно в тот же период), Роб-Грийе, Робера Пенже и примыкавших к ним Сэмюэля Беккета и Клода Олье.

1958: роман «Трава» (“L’Herbe”). Первое телеинтервью, которое дал Симон, связано с выходом этого романа, причём едва ли не больше писателя-интраверта говорил его издатель Линдон. В его же компании он

позднее выслушает по телефону новость о присуждении Нобелевской премии и отправится за ней в Стокгольм. Следующий роман Симона родится из военных сцен, которые в «Траву» так и не вошли.

1960: роман «Дороги Фландрии» (“*La Route des Flandres*”). Публикация романа была приурочена опытным издателем к началу сезона присуждения литературных премий, коих во Франции десятки, но, по мнению Линдона, роман может претендовать на заветного – и присуждаемого, как и Нобель, только раз – Гонкура. Мнение одного из членов жюри звучит как приговор: «Клод Симон вполне бы мог получить Гонкуровскую премию, если бы сам не превратил свой роман в практически нечитабельный при помощи двух формальных приёмов, неотделимых, как он попытался нас убедить, от его глубинных намерений: как можно меньше абзацев и пунктуации» [Ibidem, p. 1279]. Симон подписывает «Манифест 121», направленный против политики Франции в Алжире, и привлекается вследствие этого к суду «за оскорбление французской армии».

1961: закончившиеся неудачей попытки Линдона организовать «своих» авторов под руководством Роб-Грийе на написание «Словаря общих мест доминирующей идеологии», который должен был стать ответом, в том числе и маркетинговым, на непонимание традиционной критикой Нового Романа и на его фактическую обструкцию её представителями. В Сорбонне Симон выступает с первой своей лекцией «Значение, роман и хронология». В течение последующей жизни он будет не только много путешествовать по миру, но и неоднократно выступать с различными лекциями, самая знаменитая из которых – Нобелевская лекция.

1962: роман об испанской революции «Отель» (“*Le Palace*”); встреча Симона с сотрудницей «Минюи» гречанкой Реа Каравас, которая впоследствии станет его третьей женой.

1963: Симон получает в наследство дом в Сальсе, неподалёку от Перпиньяна, в котором отныне будет проводить каждое лето; в марте присутствует на премьере единственной своей пьесы “*La Séparation*” (перегородка, разлука, расставание) по «Траве», текст которой до сих пор не опубликован. В архиве писателя, наряду с машинописной копией текста, программкой первого спектакля по почти сразу снятой со сцены пьесе, хранится оригинальное изображение видевиших писателю декораций: акварелью на большом газетном листе. Летом писатель выступает с докладом на встрече писателей Запада и СССР в финском городе Лахти, ведёт активную полемику с известным советским критиком В. Ермиловым, с которым, как известно, «не доругался» Маяковский, которая продолжается затем и на страницах прессы – журнала «Экспресс» и «Литературной газеты». Статья Ермилова, начавшего диалог отечественного литературоведения с Симон, «вопреки своим ритуальным охранительно-агрессивным мелизмам, удивительна на фоне тогдашних литературно-журнальных “нравов и обычаев”. Примерно 17% её общего объёма составляют цитаты Симона, что демонстрирует всю заинтересованную серьёзность намерений одного из самых влиятельных и строгих литературных критиков 1920-60-х годов» [3, с. 25].

1964: открытый конфликт с Ж.-П. Сартром, во многом из-за влияния на левую молодёжь. С самого начала и вплоть до официального признания после Нобелевской премии Симон, игнорируемый правыми и официальными масс-медиа, активно взаимодействует с социалистами и коммунистами, в изданиях которых печатаются рецензии на его книги и интервью с ним. Через всю жизнь он пронесёт в качестве мировоззрения сплав непримиримых противоположностей, идущий из детства и оформившийся ещё в юности: анархизм и преклонение перед «неволей и величием» военной чести, редкий демократизм и чуть ли не уайльдовское эстетство, преклонение перед Достоевским, Чеховым и... Троцким. Перечисление можно продолжать, но и названного достаточно, чтобы понять, что парадоксальность – идейная основа творчества Клода Симона, как оксюморон – его основа образная.

1967: публикация после напряжённого многолетнего труда нового романа: «История» (“*HISTOIRE*”) (а точнее – «ИСТОРИЯ»), в центре которого – история войн, мятежей, собственных рода и семьи, драматических поворотов отдельной жизни и русской революции. И новый виток полемики с соцреализмом, на этот раз на конгрессе в Вене «Литература: традиция и революция», где писатель выступает с докладом, его герои – Троцкий, Маяковский, Эйзенштейн, «русские формалисты», его критика – «критика слева».

1968: первое посещение Нью-Йорка, поездка по Америке с выступлениями во многих университетах. В следующие 25 лет Симон объездит весь мир, и следы этих поездок видны в большинстве его книг.

1969: роман «Фарсальская битва» (“*La Bataille de Pharsale*”) на первый взгляд закрывает цикл («Трава», «Дороги Фландрии», «История») автобиографического персонажа Жоржа, одновременно открывая новый, формалистический, период эволюции поэтики и письма Симона. Древность и современность, политика и эстетика, любовь и насилие, и всё это – в форме путешествия, подлинного и «внутреннего», по Европе, культуре, памяти. Главный теоретик Нового и Новейшего Романов Жан Рикарду, когда-то давший блестящий анализ «Дорог Фландрии» («некий порядок в полном разгроме»), предложил столь же необычный и для этого, оттолкнувшись от анаграммы названия: “*La Bataille de Pharsale – La Bataille de la phrase*”: «Битва фразы» [5, p. 118].

1970: выход в серии «Тропки творчества» книги-альбома «Слепой Орион» (“*Ogion aveugle*”), включающей в себя рукописное Предисловие, разнообразные иллюстрации (репродукции картин, гравюры, фотографии, медицинские манекены, рисунок самого Симона) и порождённый ими текст.

1971: роман «Тела-проводники» (“*Les Corps Conducteurs*”), куда вошёл текст «Слепого Ориона». Пищей и полем для разворачивания текста здесь стали поездки автора в Северную и Южную Америки. Саркастическое описание конгресса писателей предвосхищает то, что появится позже в «Приглашении». В замке Серизи-ля-Саль прошли уже сотни разнообразнейших семинаров и конференций, но коллоквиум о Новом Романа, прошедший в последние десять дней июля, вошёл в анналы, и по его итогам был опубликован подготовленный Рикарду двухтомник материалов «Новый Роман: вчера, сегодня», куда, помимо материалов о Роб-Грийе, Сартре и Бюторе, вошли доклады о Симоне, его ответы на вопросы исследователей и текст его лекции: «Художественный текст: слово в (за) слово(м)».

1973: роман «Триптих» (“Triptyque”), единственное произведение Симона, частично порождённое воспоминаниями о детстве у тёток в горах Юра, традиционные для писателя лейтмотивы (секс, насилие, давление социокультурных стереотипов, массовая культура, «равнодушная природа») служат фоном для крайне редкого у Симона психологически очень резкого, гиперреалистического портрета нескольких детей с завораживающей пустотой (неописанная гибель в реке маленькой девочки) в центре. Здесь вновь, на новом синкретическом уровне, он использовал новороманную технику «стимулов», отталкиваясь от переплетённых описаний нескольких изображений и стирая грань между реально видимым и воображаемым через их текстуализацию, причём все три главных мотива могут взаимно прорасти в пределах одной фразы, что создаёт возможность (которой восхищался известный художник Жан Дюбюфе) читать книгу с любого места и чуть ли не задом наперёд. В этой книге, как ни в какой другой, видна типологическая особенность Нового Романа вообще (по-разному проявившаяся у Роб-Грийе, Саррот, Бютора, Дюрас, Пенже) и Симона в частности: перераспределение баланса в тексте между повествованием и описанием в пользу последнего, порой вплоть до почти полного вытеснения первого.

1974: в том же замке Серизи-ля-Саль под началом всё того же Жана Рикарду проходит colloquium «Клод Симон: анализ, теория», во всех заседаниях которого писатель участвует. Если журнальная и университетская критика, хотя и по разным причинам (первая из-за «нечитабельности», а вторая – из-за «недиссертабельности» – действующего во Франции запрета защищать работы по «пока живым» авторам), продолжают «заговор молчания» вокруг Симона, число его читателей, почитателей и исследователей медленно, но неумолимо растёт.

1975: роман «Урок ручного труда» (“Leçon de choses”), последний из «формалистских» романов Симона, написанных под влиянием идей структурализма в период близости писателя с Рикарду и его последователями, хотя сам писатель, уже предчувствующий скорый разрыв с «неистовым Жаном», был склонен называть в качестве своих источников идеи Шкловского, Тынянова, Эйхенбаума и Якобсона. Роман, как и предыдущий, построен на триединой композиции и стал самой острой репликой в диалоге писателя с «симонистами», новый неожиданный виток которой случится через двадцать два года, с публикацией «Ботанического сада», в эпоху, когда отношения доминирования/подчинения в паре писатель/критик окончательно сменяют знак. В этом же году состоялся единственный доведённый до завершения кинопроект Симона: двенадцатиминутный фильм на основе «Триптиха», снятый совместно с немецким телевидением, хотя недовольный результатом писатель настоял на снятии из титров упоминания себя в числе создателей.

1981: роман «Георгики» (“Les Géorgiques”). Около трёх лет писатель напряжённо работал над этой исторической фреской, опять имеющей в основе триединую несущую конструкцию: судьба предка, наполеоновского генерала (именно находка его архивов, спрятанных и забытых потомками-ренегатами в тайнике перпиньянского родового гнезда, стала первым импульсом для работы) в переплетении с испанскими злоключениями некоего О. (в котором угадывается Джордж Оруэлл) в барселонском тупике между троцкистской наковальней и молотом НКВД и судьбой повествователя, в котором угадывается не только автор, но и Жорж из давно уже законченного цикла. Ещё одной основой для вывязывания сложной – и вполне в духе Бальзака или даже Гюго – интриги становится топос театра.

1982: в Нью-Йорке проходит colloquium, посвящённый Новому Роману, в последний раз собирающий вместе «ассамблею еретиков» (Н. Саррот): Роб-Грийе, Саррот, Симон, Пенже. Бютор и Дюрас давно отделили себя от «школы Минюи», а вот отсутствие очень популярного в Америке Рикарду стало сенсацией, пикантности которой придал тот факт, что его «неприглашение» было единодушным условием всех четверых, по-разному и в разной степени утомлённых его властным догматизмом. Показательно, что два главных «объекта приложения рикардизма» (Роб-Грийе и Симон) продолжили высоко ценить и использовать идеи Рикарду, ставшие самым значительным вкладом в изучение и популяризацию их необычного творчества, но... отделив их от него самого.

1984: посещение СССР в связи с публикацией перевода «Дорог Фландрии» по приглашению советского Союза Писателей.

1985: 17 октября Нобелевская премия в области литературы за 1985 год присуждена Клоду Симону «за сочетание в его творчестве поэтического и живописного начал». В своём коммюнике для прессы Шведская Академия добавляет, имея, видимо, в виду «отрицательную этику» Симона (своеобразную «веру без религиозности», утверждение через отрицание, которые отмечают многие исследователи): «Повествовательное искусство Клода Симона может быть представлено как показ чего-то живущего в нас, независимо от того, хотим мы того или нет, верим мы в это или нет, чего-то похожего на надежду, живущего вопреки всей жестокости и всей абсурдности, очевидно характерным для нашего земного удела и переданным в его романах так точно, пронзительно и разнообразно» [8, p. 1454].

1986: «Нобелевская лекция» (“Discours de Stockholm”); октябрь: принятое в последний момент, после отъезда от поездки в Японию, «приглашение» Чингиза Айтматова на «Иссык-Кульский форум» в СССР, встреча с М. С. Горбачёвым.

1988: январь: «Приглашение» (“L’Invitation”), фантазматически дотошное и столь же порой искажённо карикатурное воссоздание поездки в перестроенный Советский Союз; публикация ограниченным тиражом (999 экземпляров) «Любительского альбома» (“Album d’un amateur”), объединяющего на 59 страницах 43 текста Симона и 72 фотографии, в основной массе сделанных им самим во время путешествий по Юго-Восточной Азии, Советскому Союзу (Ленинград и Москва), США, Индии, Испании, Японии, Италии, Бельгии, Скандинавии, Африке, Греции, Турции. Главные «генераторы идей и образов»: первобытное искусство и ритуалы, различные религии, тело – желанное и терзаемое, Натура и Культура, архаика и авангард,

«воспоминания по фото» отца, матери, собственного германского плена, эротизм – человеческий и антропоморфный природный, статуи Христа и мавзолей Ленина. Персонажи: Достоевский, Пуссен, Бютор, Пруст, Мондриан, Рембо, Бретон, Троицкий, Сталин, Хайдеггер. Получить представление о парадоксальных и радикальных взглядах Симона можно из текста, сопровождающего его фото музея Достоевского в Ленинграде, в котором писатель сравнивает двух своих кумиров – Пруста и Достоевского – усматривая у них одинаковую страсть к переплетению секса, денег и криминального насилия: «...сексуальность порождает метафизический дискурс, одержимый кощунственной потребностью в трансгрессии, в грехе, в искуплении, проблему существования – или небытия – Бога и дьявола» [6, p. 12].

1989: роман «Акация» (“L’Acacia”), один из самых необычных и в то же время прозрачных по композиции и отделке романов, доведших до своеобразного апогея обращение писателя-авангардиста к «корням», к той самой Традиции, в попытках ниспровержения которой он много раз обвинялся не столько её продолжателями, сколько эпигонами. Общий для новороманистов в 1980-1990-е годы «поворот к автобиографии» в этом романе дополняется глубокими и всегда острыми наблюдениями и обобщениями. Основа романа – две ввинчивающихся одна в другую спирали судеб: отца и сына. Большой жанрово-тематический набор, пусть и представленный чаще всего в виде отдельных элементов (роман воспитания, семейная сага, психологический роман, историческая хроника, роман идей), оттачиваемый мировым романом в течение нескольких предыдущих веков, виртуозно сочетается с достижениями авангардизма. Роман, многолетняя работа над которым прерывалась болезнями и наградами, поездками и лекциями, стал достойным увенчанием монументальных «трудов и дней» Симона. По мнению самого Симона, именно с «Акации» «лучше всего» начинать знакомство с его творчеством [10, p. 12].

1992: «Фотографии, 1937-1970» (“Photographies, 1937-1970”), альбом, включающий в себя лучшие, по мнению Симона, фотографии, сделанные им за долгие годы, завершает триптих, начатый «Слепым Орионом» и продолженный «Любительским альбомом».

1997: роман «Ботанический сад» (“Le Jardin des Plantes”). Как и многие предшествующие произведения Симона, этот роман использует форму триптиха, все три створки которого объединены общим фоном «мученичества» – итальянского художника, «узника Дахау» (что оказалось неправдой) Гастона Новелли, «кузника советской системы» Бродского и... самого Симона, терзаемого безжалостной горбачёвской номенклатурой. На фоне других произведений «зрелого периода» этот, с привкусом нарциссизма, роман выглядит довольно странно. Многолетнее камлание околосимонистской критики принесло здесь свои «золотые плоды» – и в композиции, и в содержании романа отчётливо ощутим привкус рикардистского «производства текстов», который уже на этапе работы с рукописью закладывает для «посвящённых» сюрпризы, обманки, петарды и шутихи.

Показателен для понимания и замысла, и конечного общего результата «Ботанического сада» «киргизский» фрагмент, описывающий «памятник проконсулу, туго затянутому портупеей, в кожаной куртке, кожаной фуражке, вздымая в одной руке свою философскую библию, другую положив на затвор цилиндрического пулемёта; проконсулу, давшему городу своё имя» [8, p. 1140], в котором действительности соответствует только первое слово. Русско-советской тематике (Москва, Киргизия, Сибирь, Горбачёв, Айтматов, процесс над «тунецядцем» Бродским, «Бесы», Достоевский, Троицкий, Ленинград) здесь посвящено 46 страниц (из 276) фантазматических вариаций и острых блокнотных зарисовок, лучшая из которых – про Пулковский рубеж.

1998: «Дороги Фландрии» становится первым из произведений Нового Романа, включённым в программу конкурса на замещение должности лицейского и университетского преподавателя, что стало очередным свидетельством принятия Симона культурным истеблишментом Франции, теперь – самой консервативной её страной: «профессорско-преподавательским составом». Сам он в интервью автору данной статьи сказал о своих сложных отношениях с критикой следующее: «Это одна из причин того, что во Франции меня читают довольно мало, потому что здесь Расин и Бальзак – величайшие писатели, и это твердят во всех коллежах, лицеях, университетах. Ну а я антибальзакист» [9, p. 178].

2001: «Трамвай» (“Tramway”), последнее художественное произведение, посвящённое воспоминаниям о детстве в Перпиньяне и мыслям о близкой смерти.

2005: 6 июля, смерть, о которой издатель Симона сообщил прессе лишь после похорон на кладбище Монмартр.

2012: «Четыре выступления» (“Quatre conférences”). В книгу вошли лекции, прочитанные Сином в 1975-1993 годах в Норвегии, Швейцарии, Италии и США и посвящённые литературному описанию (важнейшей для писателя теме), новаторству современной литературы, причинам и целеполаганию писательства, взаимоотношениям литературы и памяти.

В двух наших статьях, посвящённых подробному рассмотрению и анализу суждений советских и российских критиков и очевидцев пребывания писателя в СССР, делается следующий вывод: «...подводя итоги почти детективного распутывания следов французского писателя на нашей почве, замечу, что “русский” Симон – так же, впрочем, как и “американский”, “испанский”, “немецкий” и какой ещё? – готовит своим исследователям немало сюрпризов и открытий, что лишней раз доказывает относительность и неокончателность любого нашего суждения о его творчестве, которое, как и его долгая жизнь, предстаёт – и это каждый симонист в какой-то момент понимает – бездонным колодезем тайн» [2, с. 20]. Настоящая статья – попытка помочь отечественному читателю заглянуть в этот колодезь. Жизнь и творчество, воспоминание и воображение, прошлое и настоящее туго переплелись в произведениях Клода Симона. Положить начало распутыванию отечественным литературоведением этого клубка, без чего адекватное понимание творчества этого сложного писателя вряд ли возможно, и была призвана данная статья.

Список источников

1. **Андреев Л. Г.** Клод Симон. Упорядоченный беспорядок // Бергсон А. Смех. Сартр Ж.-П. Тошнота. Симон К. Дороги Фландрии: нобелевская лекция. М.: Панорама, 2000. С. 597-605.
2. **Вишняков А. Г.** Приключения Клода Симона в стране большевиков. Статья вторая // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия «Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. Т. 2. № 2. С. 13-20.
3. **Вишняков А. Г.** Приключения Клода Симона в стране большевиков. Статья первая // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия «Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. Т. 1. № 1. С. 25-36.
4. **Duncan A.** Introduction // Simon C. Œuvres: en 2 volumes / éd. établie par A. B. Duncan, avec la collaboration de J.-H. Duffy. P.: Gallimard; "La Pléiade", 2006. Vol. 1. P. IX-LXXI.
5. **Ricardou J.** La Bataille de la phrase // Pour une théorie du nouveau roman. P.: Seuil, 1971. P. 118-158.
6. **Simon C.** Album d'un amateur. P.: Rommerskirchen, 1988. 54 p.
7. **Simon C.** Œuvres: en 2 volumes / éd. établie par A. B. Duncan, avec B. Bonhomme et D. Zemmour. P.: Gallimard; "La Pléiade", 2013. Vol. 2. 1636 p.
8. **Simon C.** Œuvres: en 2 volumes / éd. établie par A. B. Duncan, avec la collaboration de J.-H. Duffy. P.: Gallimard; "La Pléiade", 2006. Vol. 1. 1582 p.
9. **Vishnyakov A.** Claude Simon et la Russie. Entretien avec Claude Simon // Presses universitaires de Rennes, "ahiers Claude Simon". 2014. № 9. P. 146-185.
10. **Vishnyakov A.** L'œuvre de Claude Simon. Un regard russe / Editions universitaires européennes. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2017. 149 p.

Claude Simon: Life and Creative Path

Vishnyakov Aleksei Georgievich, Doctor in Philology, Associate Professor
University for Humanities and Technologies, Orekhovo-Zuyevo
agvishnyakov@list.ru

The article provides a brief bio-bibliographical analysis of the life and half-a-century creative activity of a famous representative of the French nouveau roman (new novel) movement, Nobel laureate Claude Simon. It is emphasized that the nouveauté works – the most complicated and fundamental in the French literature of the XX century – can be adequately interpreted only against the background of his long life full of mysteries and paradoxes. The paper introduces into scientific use previously unknown information obtained from interviews with the writer himself and his contemporaries, from analysis of his works.

Key words and phrases: Claude Simon; nouveau roman (new novel); Alain Robbe-Grillet; Russian formalists; bio-bibliographical approach; French literature of the XX century.

УДК 821.112.2(436)

Дата поступления рукописи: 11.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.15>

Статья посвящена рецепции творчества И. В. Гёте в произведениях известного австрийского прозаика Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar, 1833-1906). Показано, что творчество И. В. Гёте было для австрийского автора важным ориентиром в его художественном мире. Установлено, что в текстах Заара присутствуют гётевские реминисценции: герой, повествующий о своем трагическом чувстве в письмах («Марианна»); имена и сюжетные коллизии («Герман и Доротея»). Цель статьи – определить степень влияния немецкого классика на творчество австрийского прозаика. Новизна заключается в констатации рецептивного влияния творчества Гёте на мировосприятие и дискурс Ф. фон Заара. Отмечается также процесс творческой переработки тем и мотивов Гёте в произведениях указанного автора.

Ключевые слова и фразы: рецепция; образ героини; деконструкция; новеллистическое напряжение; И. В. Гёте; Ф. фон Заар; бюргерский реализм; идиллические мотивы.

Лошакова Галина Александровна, д. филол. н., доцент

Смирнова Людмила Евгеньевна, к. пед. н.

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
lgalin7@mail.ru; piramida_ul@mail.ru

**Рецепция творчества Иоганна Вольфганга Гёте
в произведениях Фердинанда фон Заара**

Научная новизна данного исследования заключается в открытии некоторых аспектов рецепции Иоганна Вольфганга Гёте в австрийской литературе XIX века. Творчество значительного австрийского прозаика